

А.А. Федотова

РОССИЙСКИЕ БОТАНИКО-ГЕОГРАФЫ В ГОДЫ «ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

Ботаника — профессия совершенно мирная. Однако мировые войны XX в., нарушившие нормальную жизнь всего Старого Света, не оставили в стороне и ее. В данной статье будет проанализирована деятельность ботанико-географов и ученых смежных специальностей в годы Первой мировой войны на основе, главным образом, опубликованных материалов: научных и научно-популярных журналов тех лет, словаря «Русские ботаники»¹, биографий ученых, отчетов университетов и научных обществ, трудов различных совещаний.

Конец XIX — начало XX в. — время активного развития многих отраслей естествознания в России. Ботаническая география не стала исключением. Происходит быстрый рост числа исследователей, как профессионалов, так и любителей². Если до 1880-х гг. возможность профессионально заниматься ботаникой в России ограничивалась

¹ Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь / Сост. С.Ю. Липшиц. Т. 1–4. М., 1947–1952. Корректуры неизданного пятого тома хранятся в библиотеке Ботанического института РАН и в Петербургском филиале архива РАН (Ф. 835. Оп. 1. Д. № 156).

² В качестве примера можно привести динамику роста численности сотрудников Ботанического Музея имп. Академии наук. В 1900 г. кроме директора, штат предполагал наличие только двух хранителей (Протоколы заседаний физ.-мат. отд. имп. АН. 1900. 23 февр. § 78.). В 1915 г. кроме директора в штате имелись уже три старших ботаника и три младших. Кроме того, в течение этого (военного!) года в Музее работало 14 человек «по вольному найму», и 37 «посторонних». Эти «посторонние» пользовались гербариями, участвовали в экспедициях и печатались в изданиях Музея. (Отчет о деятельности Академии наук по физ.-мат. и ист.-фил. отделениям за 1915 г. Пг., 1915. С. 68–84). Улучшилось финансирование, и вырос штат исследовательских структур подчинявшихся земледельческому ведомству: Петербургского имп. ботанического сада, специальных бюро Ученого комитета (Бюро по прикладной ботанике, Бюро по микологии и фитопатологии и пр.). Этот рост продолжился, несмотря на все кошмары войн и революций. Так, если адресная книга Дерфлера (*Dörfler I. Botaniker-Adressbuch. Wien, 1909*) содержит информацию о 270 российских ботаниках, то книга, составленная А.Е. Жадовским в 1926 г. — о 1 390 (Адресная книга ботаников СССР. Л.: Изд. Гос. Бот. Об-ва, 1929.)

немногочисленными кафедрами и садами, то теперь ботаническое знание становится все более востребованным.

Земства, решив производить «рациональное налогообложение» земельных угодий, стали заказывать естественноисторические описания своих территорий. Первый из таких заказов был сделан в 1882 г. Нижегородским земством В.В. Докучаеву. Далее и другие земства последовали примеру Нижнего Новгорода. Описания выполняли, в основном, по образцу докучаевского — они были комплексными и включали геоботаническую часть. Во многих губерниях создавали новые естественноисторические и краеведческие музеи. Так, в 1885 г. на основе коллекций Нижегородской экспедиции Докучаева был основан Нижегородский естественноисторический музей. Его непосредственным создателем был Н.М. Сибирцев — молодой коллега Докучаева. Кроме просветительских задач, в цели таких музеев входили исследовательские.

Провинциальные и столичные власти вводят самые разнообразные должности, связанные с прикладной ботаникой: геоботаников, агрономов, почвоведов и т.д. Должность могла называться по-разному, обязанности были более или менее сходными: систематическое исследование природы, на основе которых можно было проводить практические мероприятия на благо сельского хозяйства. Например, И.К. Пачоский, специалист по растительности Южной России, в 1897 г. был приглашен на должность губернского энтомолога Херсонской земской губернской управы, где успешно проработал около 20 лет. Созданный им Энтомологический кабинет в Херсоне вырос в губернский естественноисторический музей³.

Создавались новые высшие учебные заведения⁴, а при них новые ботанические кафедры и ботанические сады, реформировались старые. К примеру, были реорганизованы Никитский и Сухумский сады, ставшие благодаря этому серьезными исследовательскими центрами.

Быстро росло число ботаников-любителей, лиц связанных с прикладной ботаникой и объединяющих их различных обществ: естествоиспытателей, природоохранных, сельскохозяйственных, краеведческих. В сферу

³ Пузанов И.И., Гольд Т.М. Выдающийся натуралист И.К. Пачоский. М., 1965.

⁴ Перед началом войны в одном только Петербурге имелось несколько высших курсов (Стебутовские, Каменноостровские, Бестужевские, при лаборатории П.Ф. Лесгафта, при Психоневрологическом институте), где преподавались естественные науки. Ботанические специальности там вели такие ученые, как И.П. Бородин, В.А. Комаров, В.Н. Сукачев, Н.А. Буш, А.А. Еленкин и др.

деятельности таких обществ обязательно входило естественноисторическое и экономическое изучение края для рационализации сельского и лесного хозяйства. Многие ботаники-профессионалы играли в таких обществах роль организаторов и координаторов, например, А.Н. Краснов и В.И. Талиев в Харьковской губернии, И.К. Пачоский в Херсонской.

Ботаники сочетали интересы прикладной и фундаментальной науки, использовали возросший спрос на их знания. Ботанико-географические обследования лугов производились «в связи с изучением кормовой площади», исследование подвидов погремков (растений, паразитирующих на луговых злаках) — «в местах подвергающихся влиянию сельскохозяйственной культуры»⁵. Сельские и лесные хозяева, в свою очередь, учились использовать ботанические знания.

Первая мировая война, изменив привычный уклад жизни всего общества, вмешалась в развитие ботанических исследований, в их сближение с лесо- и сельскохозяйственной практикой.

«Вторая Отечественная»⁶

В советские годы считалось почти неприличным обсуждать патристический подъем российской интеллигенции в первые месяцы «империалистической» войны. В биографиях советских лет этот период в жизни ученого обычно описывается весьма кратко — упоминается, что исследовательская деятельность была прервана, или что работа продолжалась, несмотря на трудности связанные с войной.

Однако в 1914 г. война называлась не «империалистической», а «второй отечественной» и «великой битвой народов». Она не оставила в стороне ни одну, самую мирную специальность, и самих специалистов. Профессора и преподаватели, сотрудники музеев и научных обществ занимались сбором пожертвований, читали публичные лекции, устраивали экскурсии в пользу беженцев, раненых и семей погиб-

⁵ Обычными названиями ботанических изданий и статей тех лет были, например, такие: Материалы по организации и культуре кормовой площади. Вып. 1–16. СПб., 1913–1916; Цингер Н.В. Подвиды *Alectrolophus major* Rchnb., живущие в местах, подвергающихся влиянию сельскохозяйственной культуры и их происхождение путем естественного отбора // Труды Тифлиского Ботанического сада. 1913. Вып. 12. Кн. 2. С. 179–190.

⁶ В этой части статьи автор не ограничивается только ботанико-географами и обсуждает деятельность ботаников в широком смысле слова, включая исследователей смежных специальностей.

ших. Высшая школа и научные центры предоставляли свои клиники, отдавали помещения под лазареты и т. п.

Я назову лишь несколько примеров участия ботаников в общественной работе. В здании Императорской академии наук при активном участии И.П. Бородина был создан лазарет для раненых. Помещения под лазарет и квартиры для сестер милосердия были выделены Петербургским Императорским Ботаническим садом Петра Великого. В 1914–1915 гг. от имени Ботанического сада поступали пожертвования для оказания помощи семьям сотрудников, ушедших на войну. На службу в Ботанический сад принимали раненых военных⁷. В Казани для беженцев была приспособлена дача директора университетского ботанического сада проф. А.Я. Гордягина⁸. Альголог А.Г. Генкель в летние сезоны 1915 и 1917 гг. вместо отпуска занимался организацией санитарной помощи солдатам, беженцам и пленным. Являясь полковником санитарной службы, он ездил в прифронтовые районы как представитель общественной организации — Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам⁹.

Не всем удавалось удерживать свои патриотические чувства в цивилизованных рамках. В работах последнего времени рассматривается как Академия наук пыталась сопротивляться захлестнувшей Россию германофобии и не захотела подчиниться постановлению Совета министров об исключении «неприятельских подданных» из состава всякого рода союзов и обществ¹⁰. Однако далеко не все ученые были так принципиальны. К примеру, Новороссийское общество естествоиспытателей, избрав в марте 1914 г. крупного немецкого ботаника А. Энглера своим почетным членом, осенью того же года исключило его из своих рядов как германского подданного¹¹.

На фронт были призваны молодые ботаники (сравнительно немногие — в странах австро-германского блока на фронт призывались даже

⁷ Отчет о сост. и деятельности имп. Ботанического сада Петра Великого за 1914, 1915 гг. Пг., 1915, 1916.

⁸ Годичный отчет о состоянии имп. Казанского ун-та за 1915 г. Казань, 1916. С. 245–248. Гордягиным также была опубликована популярная работа «О заготовке сфагна (торфяного мха) для нужд госпиталей» (Казань, 1917).

⁹ Николаев С.Ф. Доктор ботаники А. Г. Генкель. Пермь, 1959.

¹⁰ См. например: Басафгина Е.Ю. Вице-президент имп. Академии наук П.В. Никитин. СПб., 2004. С. 259–269.

¹¹ Отчет о деятельности Новороссийского естествоиспытателей за 1914 г. // Отчет о сост. и деят. имп. Новороссийского ун-та за 1914 г. Одесса, 1915. С. 337–348.

профессора)¹². В действующей армии служили И.Г. Бейлин, П.В. Сюзев, П.П. Попов, Г.Г. фон Эттинген, И.В. Кузнецов, Н.И. Кузнецов (Кузнецов-Владимирский), П.Д. Клейменов, П.П. Бордаков (ушел добровольцем), Г.К. Франц, С.Ю. Туркевич, Б.М. Козо-Полянский¹³, Д.Л. Рудзинский¹⁴, Н.А. Безсонов¹⁵. В.П. Савич был призван на военную службу, но вскоре из-за тяжелой болезни был эвакуирован с фронта и назначен на нестроевую должность в Петрограде. Свой досуг он посвящал работе в Институте споровых растений Ботанического сада¹⁶.

Миколог и фитопатолог К.Е. Мурашкинский в 1917–1918 гг. служил в качестве специалиста по защите растений Терского продовольственного комитета во Владикавказе¹⁷. Геоботаник А.П. Ильинский в 1916–1917 гг. заведовал Военно-метеорологическим отделом штаба армии.¹⁸ Т.К. Кварацхелия (фитоэколог, садовод) в 1915–1917 гг. служил агрономом на Турецком фронте¹⁹.

В годы войны оставались незанятыми некоторые ботанические должности. Например, в Сухумском саду в 1915 г. оставалась вакантной должность ассистента ботаника²⁰. Однако военное время и воинские заслуги не слишком облегчали жизнь политически неблагонадежных. Дважды награжденный Георгиевским крестом и демобилизованный после ранений, И.Г. Бейлин не был утвержден властями в качестве ассистента ни у В.В. Лепешкина в Казани, ни у Б.А. Келлера в Воронеже. Ему вспомнили «противоправительственную агитацию» в 1908 г. В результате, он

¹² Так, личные известия «Вестника русской флоры» сообщали о взятых в плен чешском ботанике проф. Подпера и проф. Штарке из Черновец (1915. Т. 1. Вып. 2. С. 107; 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 63).

¹³ См. личные известия «Трудов Ботанического сада Юрьевского университета» (1914. Т. 15. Вып. 2–3, 4.) и «Вестника русской флоры» (1915–1917. Т. 1–3.).

¹⁴ *Балашев А.Л.* Проф. Д.Л. Рудзинский // Селекция и семеноводство. Юбилейный номер, посвященный 25-летию советского семеноводства. 1946. С. 66–69.

¹⁵ Русские ботаники. Т. 1. С. 150–151.

¹⁶ Из текущей деятельности Института споровых растений // Известия имп. Ботанического Сада Петра Великого. 1915. Т. 15. Вып. 5–6. С. 669–672.

¹⁷ Русские ботаники. Т. 5. С. 598–602.

¹⁸ Большая часть его материалов по исследованию лугов Тверской губернии за предшествующие годы осталась неопубликованной. Русские ботаники. Т. 3. С. 458–465.

¹⁹ Русские ботаники. Т. 4. С. 117.

²⁰ *Маркович В.* Сухумский ботанический (акклиматизационный) сад // Вестник русской флоры. 1915. Т. 1. Вып. 3. С. 180–182.

должен был оставить геоботанику, и поступил на Воронежскую станцию защиты растений²¹.

Наряду с молодыми исследователями на фронт уходил технический персонал ботанических садов и опытных станций. Так, в Воронежском отделении Бюро по прикладной ботанике к осени 1915 г. не осталось «ни одного наблюдателя, ни одного служащего вследствие призыва их на военную службу»²². Следствием мобилизации стало то, что на работу в научные и опытные учреждения стали принимать женщин.

Потери

Первую мировую войну можно считать косвенной причиной смерти, по крайней мере, двух крупных российских ботаников: А.Н. Краснова и В.А. Ротерта. Создатель и директор Батумского ботанического сада, ботанико-географ А.Н. Краснов из-за войны должен был вернуться из Франции, куда уехал на лечение. Он вернулся, даже не успев начать курс терапии, и слишком энергично для своего расстроенного здоровья взялся за работу. В декабре 1914 г. Краснова не стало. Анатом и физиолог В.А. Ротерт выгнанный войной сначала из Кракова, а потом из Киева, обосновался в Петрограде. Здесь он простудился, серьезно заболел и умер в начале 1916 г.²³

Труднее оценить потери среди молодежи и любителей. Информацию об их гибели нужно собирать из «личных известий» разнообразных журналов. В 1915 г. на фронте погиб М.Ф. Короткий — начинающий геоботаник, которого очень ценил его учитель В.Н. Сукачев²⁴. Н.В. Маракуюв, занимавшийся обработкой некоторых родов для «Критической флоры Кавказа» погиб при аварии парохода, натолкнувшегося на мину. Там же погибла лаборантка Одесских высших курсов Е.А. Морозова, занимавшаяся, главным образом, растительностью Кавказа²⁵. В Первую мировую войну был убит В.С. Левицкий²⁶.

²¹ *Парнес В.А.* И.Г. Бейлин. М., 1983.

²² *Мальцев А.* Текущие сведения о Бюро по прикладной ботанике (май–декабрь 1915 г.) // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1916. Т. 9. Вып. 5. С. 248.

²³ *Манойленко К.В.* В. А. Ротерт. Л., 1978.

²⁴ *Сукачев В.Н.* М.Ф. Короткий (некролог) // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 2/3. С. 185–199.

²⁵ Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 287.

²⁶ Левицкий — автор работы «О механических приспособлениях листьев двудольных», опубликованной в «Записках Киевского общества естество-

На фронте погиб А.А. Горбовский, работавший с А.П. Шенниковым в Симбирской губернии²⁷. Участник экспедиций Переселенческого управления Д.А. Драницын ушел добровольцем, служил в Красном кресте, и был убит на Кавказском фронте в 1916 г.²⁸ Миколог и фитопатолог, заведовавший Микологическим кабинетом Салгирской опытной станции в Симферополе, И.Е. Барбарин работал бактериологом в одном из госпиталей и умер на этом посту в конце 1916 г.²⁹

В качестве младших офицеров на фронт призывались выпускники Лесного института. Многие из них были учениками Г.Ф. Морозова, а значит сторонниками научного лесоведения. «Лесной журнал» сообщал на своих страницах о гибели В.Г. Шенберга, С.С. Грузова, А.А. Бекреева, В.И. Дилло, А.М. Сергина, С.Н. Климова, И.А. Кублицкого, Н.К. Левальт-Езерского, М.И. Данилова, Н.В. Брыля, В.Е. Звиногородского, В.И. Журавлева, В.И. Николаевского, А.Н. Гуртьева³⁰.

Был нарушен план экспедиций и стационарных исследований, сократилось финансирование многих из них. Так, «Исследования Крымских Яйл по луговодству, защите склонов от эрозии и лесонасаждению по поручению Партии Крымских водных изысканий» в 1915 г. недополучили две трети запланированных денег³¹, а далее и вовсе были свернуты. Были не завершены экспедиции в «колонизационные» районы России (наиболее обширные из которых — экспедиции Переселенче-

испытателей». 1910. Т. 20. Вып. 4. 1910. С. 193–238. См.: Русские ботаники. Т. 5. С. 79.

²⁷ Шенникова М.М., Горбовский Р.В. Жизнь для науки. Очерк о жизни и деятельности Александра Петровича Шенникова, 1888–1962. Вологда, 1964.

²⁸ Русские ботаники. Т. 3. С. 202–203.

²⁹ Горбовский А. И.Е. Барбарин // Защита растений от вредителей. 1925. Т. 1. № 6. С. 191–192.

³⁰ Лесной журнал. 1915. Вып. 5. С. 771–773; Вып. 10. С. 1403–1412; 1916. Вып. 3–4. С. 327–330; 1917. Вып. 1–3. С. 15–20.

³¹ Яната А.А. Краткий очерк по луговодству на Яйле в 1915 г. (Из деятельности отд. Луговодства партии Крымских водных изысканий ОЗУ МЗ) // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 4. С. 162–170. Наряду с исследованиями останавливались и практические работы по восстановлению естественной растительности. Хотя в 1915 г. и было «Высочайше утверждено», что капитал войскового старшины С.П. Виденова, завещанный Войску Донскому, будет употреблен на укрепление, обводнение и облесение песков и оврагов (См.: Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1915. № 4. С. 95–96), вряд ли можно полагать, что проект был реализован.

ского управления), должным образом не были обработаны их материалы. Большинство из них были изданы лишь в форме «предварительных отчетов» и «трудов экспедиций». Так, В.В. Сапожников, совершавший экспедиции по Семиречью, предполагал написать большую книгу о его растительности, но работа над ней в военные годы продвигалась очень медленно, а в 1922 г. неоконченная книга и вовсе погибла при пожаре вместе с подготовительными материалами³².

Надо заметить, что Первая мировая война сама по себе отразилась на ученых и их исследованиях не так тяжело, как последующий развал империи. При всех трудностях, ботанико-географическая деятельность не была заморожена в эти годы. «Список работ, статей и важнейших рецензий по фитогеографии России за 1915–1917 гг.» составленный Н.А. Бушем насчитывает 391 наименование³³. По-видимому, он не является исчерпывающим. В районах, незатронутых военными действиями, работа шла довольно активно. Так, в 1916 г. по поручению Отдела земельных улучшений Министерства земледелия Р.И. Аболиным, В.С. Титовым, В.Ф. Мольденгауером и В.Н. Сукачевым велись экспедиционные и стационарные почвенно-ботанические исследования в Семиречье³⁴. Активно шло создание Батумского ботанического сада³⁵.

Войной был нарушен процесс внедрения научных знаний в российскую практику рационального сельского хозяйства и природопользования. В прикладных исследованиях особенно резко сократилось поступление «казенных» субсидий: центральная власть всецело сосредоточилась на обороне государства³⁶. В самой тяжелой ситуации оказались исследователи, не имевшие солидных академических постов. Для многих характерен полный пробел в публикациях, начиная с 1915 г. до начала, а то и середины 1920-х гг. Связи ученых с местными властями, с сельскими хозяевами и любителями с таким трудом установленные в инертном бюрократическом обществе царской России в последующие годы были

³² *Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н.* Выдающийся сибирский ученый и путешественник В.В. Сапожников. Новосибирск, 1964.

³³ Журнал Русского ботанического общества. 1918. Т. 3. С. 61–179.

³⁴ [Ботанические работы в Семиречье] // Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 292–293.

³⁵ Журналы заседаний Батумского общества сельского хозяйства // Русские субтропики. 1914. № 11/12. С. 30–36.

³⁶ *Елина О.Ю.* Земства, центральное правительство и агрономия: страсти вокруг урожая // Власть и наука. Ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х гг. СПб., 2003. С. 298–314.

разрушены. В новых условиях советской России взаимоотношение науки и власти, а как следствие — рационализация сельского хозяйства и природопользования, пошло по менее «естественному» пути развития.

На западе Российской империи, где в начале XX в. сциентификация сельского хозяйства шла наиболее успешно, в военные годы гибли опытные поля, питомники и сады. Например, осенью 1914 г. в ходе военных действий в Артвине (недалеко от Батуми) масличный и плодовой питомник был разграблен, дела и бумаги уничтожены, его заведующий В.И. Андронаки убит³⁷. В зоне военных действий оказался один из опытных участков (тот, что находился в Петроковской губ.) Бюро по прикладной ботанике. Деятельность многих опытных станций была сокращена или полностью прекращена из-за того, что их сотрудники были призваны на военную службу³⁸. Однако, в общем, система опытных сельскохозяйственных учреждений в годы войны не только действовала, но и продолжала расширяться³⁹.

Война стала причиной многочисленных перемещений организаций, специалистов и коллекций. Из западной части Российской империи эвакуировались университеты и институты вместе со своими ботаническими кафедрами. Например, Варшавский университет осенью 1915 г. переехал в Ростов-на-Дону. Большая часть имущества кафедры ботаники не могла быть вывезена, но ее преподавательский состав переехал почти полностью: профессора В.Ф. Хмелевский и Д.И. Ивановский, ассистенты и лаборанты⁴⁰. В Нижний Новгород был эвакуирован Варшавский Политехнический институт, сотрудником которого был М.С. Цвет⁴¹. Иногда оказывалось, что эвакуироваться не стоило,

³⁷ Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 287.

³⁸ Текущие сведения о Бюро по прикладной ботанике (май–авг. 1914 г.) Сост. А. Мальцев // Тр. Бюро по прикладной ботанике. 1914. Т. 7. Вып. 12. С. 792–797. То же за сент.–дек. 1914 г. // Там же. 1915. Т. 8. Вып. 3. С. 296–302.

³⁹ См. подробнее: *Елина О.Ю.* Наука для сельского хозяйства в Российской империи: формы патронажа // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 1. С. 40–63.

⁴⁰ *Новопокровский И.В.* Ботаническая специальность в РГУ // Юбилейный сборник Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 1940. С. 68–84. «Варшавским» университет перестал считаться с июля 1917 г. Также из Варшавы в Ростов переехал микробиолог и физиолог проф. А.Ф. Лебедев, занимавший кафедру агрономической химии (Русские ботаники. Т. 5. С. 55–57).

⁴¹ За 1915–1918 гг. М.С. Цвет вынужден был несколько раз переезжать, что окончательно подорвало его слабое здоровье. Умер он в Воронеже в 1919 г.

и приходилось возвращаться. В конце 1915 г. университет Св. Владимира был вывезен в Саратов и даже проработал там первый семестр 1916 г., а затем вернулся обратно в Киев. Говорить о нормальной исследовательской и преподавательской работе в таких условиях, казалось бы, не приходится, однако попытки к этому делались активные. Вернувшись в Киев, А.В. Фомин, заведовавший кафедрой ботаники, занялся устройством университетского Ботанического сада и школы ученых садовников при нем⁴².

Ново-Александровский сельскохозяйственный институт с началом военных действий был переведен в Харьков, но эвакуировать имущество не удалось. Погибли библиотека, гербарии, и почти все коллекции института, а также коллекции профессора ботаники Н.В. Цингера и его ассистента В.И. Андреева⁴³. Осенью 1915 г. в Москву был вывезен Рижский политехнический институт. Вместе с ним уехал профессор кафедры ботаники Ф.В. Бухгольц, потеряв почти все материалы для работы — свои коллекции⁴⁴. Многие ученые в годы войны вынуждены были по несколько раз переезжать, а те, кто находился вдали от линии фронта, испытывали серьезные трудности с получением реактивов, оптики, литературы, гербариев, посадочного материала для ботанических садов — всего того, что поступало ранее, в основном, из Германии или через Германию.

В 1915 г. было решено эвакуировать Юрьевский университет. Библиотека и коллекции университета были вывезены в Нижний Новгород, а оттуда в Пермь. Преподаватели университета никуда ехать не хотели, тем более в такую глушь, как Предуралье. Они ссылались на суровый климат и недостаточное, как им казалось, число потенциальных студентов. Профессор Ф.В. Тарановский считал, что даже «Казанский университет, рассчитанный на гораздо более широкий восточный район [...] не достигает комплекта слушателей». А профессор М.Н. Крашенинников заявлял: «Основывать в Перми университет — это [...] все равно, что

См. подробнее: *Сенченкова Е.М.* М.С. Цвет — создатель хроматографии. М.: Янус-К, 1997.

⁴² Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 286.

⁴³ Там же. Вып. 1. С. 67.

⁴⁴ Военные годы Бухгольц проработал в эвакуированном институте в Москве, а в 1918 г. вернулся в Ригу. В 1919 г. он был приглашен в Тарту (Юрьев), где занялся восстановлением сильно пострадавших за военные годы кафедры и ботанического сада. (См.: Русские ботаники. Т. 1. С. 322–326).

сажать пальму в тундре»⁴⁵. В 1918 г. часть преподавателей (в основном, этнические русские) все-таки уехала из уже оккупированного немецкими войсками Юрьева, но не в Пермь, а в Воронеж, куда, в конце концов, попало уцелевшее имущество⁴⁶. На этой базе был создан Воронежский университет. В Перми в 1916 г. университет все же был организован как отделение и потенциальная эвакуабаза Петроградского университета. Преподавать ботанику туда приехал А.Г. Генкель.

История Юрьевского университета в годы войны является примером того, как разрушались установившиеся связи между ботаниками. В России с конца XIX в. велись обширные флористические исследования, которые сопровождались активным обменом гербариями. Одним из центров, через которые проходил такой обмен, было Бюро по обмену гербариями Н.И. Кузнецова в Юрьеве. Кузнецов как профессор кафедры и директор университетского Ботанического сада со своими сотрудниками организовал своеобразный «общественный институт изучения флоры Кавказа», объединявший профессионалов и любителей. «Институт» успешно занимался критической переработкой флоры Кавказа.⁴⁷ В течение первого года войны кузнецовская группа вынуждена была разъехаться. Деятельность Бюро по обмену гербариями пытались возобновить в Харькове Г.И. Ширяев с И.А. Перфильевым, но не слишком успешно. Публикация работ по переработке кавказской флоры оборвалась в 1917 г. К примеру, так и не была напечатана «Флора Екатеринославской губернии» А.А. Гроссгейма⁴⁸.

⁴⁵ Речь проф. Ф.В. Тарановского на заседании 27 февр. 1916 г. по вопросу об эвакуации Юрьевского университета // Ученые записки Юрьевского университета. 1916. № 3. Офиц. Отд. С. 5; Речь проф. М.Н. Крашенинникова // Там же. С. 4.

⁴⁶ О перипетиях переезда Юрьевского университета в Воронеж см.: *Карпачев М.Д.* Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003.

⁴⁷ См.: *Трасс Х.Х.* Н.И. Кузнецов и Тартуский университет // Ученые записки Тартуского университета. Труды по ботанике. 1968. Вып. 8. С. 7. Всего за 1901–1916 гг. были изданы 45 выпусков «*Flora Caucasica Critica*». Над ними работали: Н.А. Буш, Б. Гриневецкий, И.В. Палибин, П.И. Мищенко, Н.П. Попов, П.П. Попов, Б.А. Федченко, А.Ф. Флеров, А.А. Фомин и мн. др. Эта серия считается «первым русским примером планомерно осуществлявшегося коллективного труда». (*Литвиц С.Ю.* Н.И. Кузнецов. К 25-летию со дня смерти // Ботанический журнал. Т. 42. № 9. 1957. С. 1311).

⁴⁸ В 1917 г. в Юрьеве был издан только сигнальный экземпляр первого тома. См.: Список научных трудов А.А. Гроссгейма // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 3. С. 329–335.

В Юрьеве остались ботаники-любители, вынужденные прекратить сотрудничество с русскими специалистами. Оставил работу над родом *Salix* (ива) П.А. Лакшевиц, сотрудничавший с Н.И. Кузнецовым по «Критической флоре Кавказа» и с Ботаническим музеем АН по «Гербарию русский флоры» и «Флоре Сибири». Для «Гербария русский флоры» присылал материалы из довоенного Юрьева также фармацевт Р. Леберт⁴⁹ и другие.

Печальна судьба ботанических коллекций, с которыми работала кузнецовская группа. 762 ящика гербария, вывезенных в 1915 г. из Юрьева, перестали служить материалом для исследований. Около четверти из них (остальное, видимо, было утеряно во время переездов и погибло в годы Гражданской войны) в 1930-х гг. было отправлено из Воронежа в Ленинград, в Ботанический институт АН СССР, и только в 1950-х возвращено в Эстонию⁵⁰.

В военные годы происходило одновременно перемещение на Восток специалистов и коллекций, создание там новых центров. Широко разрекламированная большевиками организация многочисленных учебных и научных заведений в первые годы советской власти отчасти обуславливалась этим фактором.

Дубильные вещества и лекарственные растения

В течение первого года войны Россия осознала, насколько ее экономика зависела от зарубежных поставок, в первую очередь, от немецких. В числе прочего, тяжелая ситуация сложилась на рынке дубильных веществ и лекарственных растений. Ботаники приняли активное участие в решении этих проблем.

В 1913 г. три четверти дубильных веществ, потребляемых в отечественной кожевенной промышленности, Россия импортировала, при этом одну четверть от всего объема этих поставок — из Германии (Германия же, в основном, перерабатывала или просто перепродавала сырье

⁴⁹ Русские ботаники. Т. 5. С. 32, 68.

⁵⁰ Эстонский Государственный архив (Eesti Riigiarchiiv). Ф. 1108. Оп. 5. № 157. Л. 54–85. Эти сведения получил для меня в Эстонском архиве и у сотрудников Университета Эрки Тамиксаар, директор музея Карла Бэра в Тарту. Значительная часть имущества (в первую очередь библиотека) были возвращены в Тарту в 1920 г. по мирному договору с Эстонией (*Карпачев*. Воронежский университет).

из тропических стран)⁵¹. С началом войны кожевенная промышленность оказалась в критическом положении. Ярким примером успешного использования ботанических знаний в военные годы является деятельность Научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов Кавказа.

Весной 1915 г. для выяснения возможностей заготовки дубильного сырья на Кавказе Главный комитет Всероссийского земского союза командировал туда специалиста по дубильному делу Г.Г. Поварнина⁵². Во время пребывания Поварнина в Тифлисе Закавказским комитетом Земского союза было создано «особое совещание местных научно-технических сил». Это собрание набросало схему исследований и создало научно-техническую комиссию. Главное интендантское управление Военного министерства заинтересовалось проектом и финансировало его исследования. После отъезда Поварнина с Кавказа председателем Комиссии стал главный ботаник Тифлисского ботанического сада и специалист по флоре Кавказа — П. И. Мищенко, его товарищем — ботаник-физиолог Н.А. Максимов⁵³.

В Комиссию вошли ботаники, лесники, представители сельскохозяйственных обществ и земств. В различные районы Кавказа были направлены ботанико-географические экспедиции, в которых участвовали В.М. Савич⁵⁴, Д.И. Сосновский, Ю.Н. Воронов, А.А. Майоров и др. К концу лета Комиссия сообщила, что для нужд армии уже в настоящее время в пределах Кавказа может быть получено значительное количество ценных дубильных материалов. Некоторые из них никогда ранее не применялись в кожевенной промышленности, но должны быть

⁵¹ Синдицированная кожевенная промышленность М., 1922; *К-ий И.* Положение кожевенной промышленности и кожевенного рынка за истекший период войны // Вестник Всероссийского общества кожевенных заводчиков. 1915. № 4. С. 59–61.

⁵² Позднее Г.Г. Поварнин много сделал для дубильной промышленности Советской России, заслужив даже отдельную статью во втором издании Большой советской энциклопедии.

⁵³ Краткий обзор текущей деятельности научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов на Кавказе при Закавказском комитете Всероссийского земского союза. Тифлис, 1915; 1916. Вып. 1, 2.

⁵⁴ Позднее, в 1916 г. лесовод В.М. Савич состоял директором дубильно-экстрактного завода в Майкопе (См.: *Юницкий А.* Запросы кожевенной промышленности и отечественные дубильные материалы // Лесной журнал. 1916. Вып. 5. С. 547–557.)

очень перспективны, а их добыча вполне доступна. Результативность работы комиссии была обусловлена неплохой изученностью района. В течение предшествовавшей четверти века Кавказ был любимым объектом исследований для многих российских ботанико-географов.

Ботанико-географические исследования дополнялись опытами дубления, организованными на частном дубильном заводе Адельханова в Тифлисе. Информация экономического характера собиралась ботаниками во время экспедиций, пополнялась данными железнодорожной статистики и специальной анкеты. Комиссия считала целесообразным продолжить исследования не только на Кавказе, но также в Крыму и Туркестане, однако ее работа, в целом, завершилась к весне 1916 г. Были предприняты меры по вывозу дубильных материалов на московские заводы Земского союза, а также меры по созданию завода на Кавказе.

Дубильными материалами занялись Ферганский и Ташкентский военно-промышленные комитеты, Центральное лесное управление. В мае 1915 г. было создано Всероссийское общество кожевенных заводчиков, имевшее «испытательную лабораторию» и издававшее «Вестник». В лаборатории проводились исследования российских танид-содержащих растений; на страницах журнала появлялись статьи об этих опытах. За культивирование растений, содержащих таниды, взялись лесничества Закавказья, некоторые опытные станции, Батумский и Тифлисский ботанические сады. Вопросом о возможности использования для кожевенной промышленности отходов от лесоразработок заинтересовалось Полевое строительное управление. Впрочем, активная деятельность одних лиц уравновешивалась пассивностью других и вплоть до 1930-х гг. импорт дубильных веществ в Россию оставался существенным⁵⁵.

Еще более тяжелая ситуация сложилась на фармацевтическом рынке. Отрезанная от немецких поставщиков, Россия оказалась в положении «лекарственного голода». Лекарственные растения стали одной из приоритетных задач деятельности Министерства земледелия, а затем — Управления начальника Санитарной и эвакуационной части.

⁵⁵ В 1927 г. было создано акционерное общество «Дубитель». На него было возложено строительство дубильно-экстрактных заводов и заготовка сырья. В течение шести лет было построено 15 заводов, которые почти полностью обеспечили дубителями советскую кожевенную промышленность. См.: *Волков В.А., Лыткин Н.К.* Кожевенная промышленность за годы Советской власти. М., 1957.

14–16 марта 1915 г. Департамент земледелия созвал «Межведомственное совещание по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений». Председателем совещания был директор Департамента Д. Я. Слободчиков, участниками — ботаники, агрономы, представители ведомств и фармацевтических фирм. Совещание постановило принять меры по материальному и техническому содействию общественным и земским организациям в деле улучшения ситуации на рынке лекарств.

Были изданы порайонные списки видов, рекомендуемых к сбору и культуре, сведения о рынке лекарственного сырья, очерк культуры лекарственных растений за границей. В земские управы, инспекторам сельского хозяйства и правительственным агрономам, сельскохозяйственным обществам были разосланы циркуляры и «вопросные листы» о современном положении в России сбора, культуры и обработки лекарственных растений⁵⁶. Материалы, собранные благодаря «вопросным листам», показали весьма печальную картину: культура трав почти отсутствовала, сбор дикорастущих растений не был организован, цены случайны и полностью зависели от скупщиков. Даже там, «где были до войны заметны некоторые признаки организованного дела, в настоящее время жизнь замерла, т.к., оказывается, весь товар вывозился в Германию, которая значительную часть его после <...> обработки, а иногда и без всякой обработки возвращала нам по дорогой цене обратно»⁵⁷.

В Петроградском Императорском Ботаническом саду Петра Великого в 1915 г. был создан Отдел лекарственных растений под руководством Н.А. Монтеверде. Его ассистентом был В.Н. Любименко. В Отделе имелись справочное бюро, лаборатория и опытный участок «с целью получать семена и черенки и рассылать затем лицам, которые пожелают заняться их культурой». Монтеверде (старший и младший), а также Любименко совершали ботанические экскурсии по изучению лекарственных расте-

⁵⁶ Труды Межведомственного совещания 14–16 марта по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений. Стенографический отчет. Пг., 1915. 20–22 мая 1915 г. Департамент созывал совещание по вопросам сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений и лекарственных растений с участием представителей науки, земских и общественных учреждений.

⁵⁷ *Фаворский А.Е.* Некоторые соображения по организации учреждения для исследования эфирных масел и лекарственных растений // Отчеты о деятельности КЕПС. 1917. № 8. С. 183.

ний, рассылали семена, публиковали справочные и популярные работы, консультировали частных лиц и организации⁵⁸.

Справочные и популярные работы по лекарственным и техническим растениям ботаники публиковали также через КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук)⁵⁹.

В феврале 1916 г. «Особое совещание по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации и их использования и сбыта» было созвано Верховным начальником санитарной и эвакуационной части принцем П.А. Ольденбургским⁶⁰. В нем принимали участие профессора Военно-медицинской академии и университетов, специалисты Департамента земледелия, ботанических садов и опытных станций, представители земств и фармацевтических фирм. Из ботаников на Совещании работали: А.А. Фишер фон Вальдгейм, В.К. Варлих,

⁵⁸ Некоторые справочные работы, изданные Департаментом земледелия: *Монтеверде Н.А.* Порайонный обзор лекарственных растений Европейской России, Кавказа и Туркестана. Юрьев, 1915. № 1–7; Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России. Пг., 1915.

В Отдел лекарственных растений за консультациями обращались: начальник санитарной и эвакуационной частей принц П. А. Ольденбургский, Военно-промышленный комитет, Министерство торговли и промышленности, КЕПС АН, земские управы, сельскохозяйственные общества, опытные станции, учебные заведения. «В общем Отделом были получены запросы почти из всех областей... России, что указывает на быстрое распространение интереса среди населения... к поднятию и развитию промысла, культуры и сбора лекарственных растений». (Отдел лекарственных растений // Отчет о состоянии и деятельности Имп. Ботанич. сада Петра Великого за 1915 г. Пг., 1916. С. 134.)

⁵⁹ В КЕПС вошли следующие ботаники: А.С. Фаминцын, И.П. Бородин, В.И. Паладин, В.Н. Сукачев, Н.А. Буш, Д.Н. Прянишников, Г.Ф. Морозов, Н.А. Монтеверде. Представителями от Министерства земледелия были: от Ученого комитета — А.А. Шульц, Е.Ф. Лискун, Р.Э. Регель; от Департамента земледелия — почвовед К.Д. Глинка; от лесного департамента — К.Д. Суходский; от Ботанического сада Петра Великого — В.А. Комаров. (Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 2. С. 115).

⁶⁰ Труды Особого совещания созванного по повелению принца П.А. Ольденбургского по вопросу о культуре и сборе лекарственных растений и организации и их использования и сбыта 22–28 февраля 1916 г. Стенографический отчет, журналы Совещания и материалы. Сост. Б.А. Андреевым, А.Д. Будогодским и Ф.А. Сацыперовым под ред. А.И. Шахназарова. Пг., 1917.

Н.А. Монтеверде, Р.Э. Регель, Н.И. Кузнецов, А.Х. Роллов, В.В. Маркович, В.Л. Комаров, В.Н. Любименко, Я.Я. Мушинский, В.В. Пашкевич, и др. При Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части была создана Организация по сбору и культуре лекарственных растений (Лекарственная организация). Ее уполномоченным по России был назначен вице-директор Департамента земледелия А.И. Шахназаров; районными уполномоченными — К.И. Шашковский, А.И. Щербаков, В.Г. Ростмистров, А.Д. Воейков, В.В. Пашкевич, Е.М. Вальнев, Д.В. Антонов. Для организации химико-фармацевтической промышленности в России был учрежден особый отдел⁶¹.

В том же году ботаниками по поручению Лекарственной организации были совершены экскурсии: В.И. Липским и В.А. Дубянским — по Туркестану, Н.Н. Монтеверде — по Среднему и Нижнему Поволжью, В.Н. Любименко — по Таврической губернии, а также некоторые другие⁶². Эти обследования дали возможность, во-первых, немедленно приступить к планомерным заготовкам сырья, а во-вторых, подготовить почву для дальнейших работ, в том числе по культуре лекарственных растений.

Интерес к вопросу был столь высок, что экскурсии предпринимались не только на правительственные средства, но и на средства научных обществ. Во время экспедиций по лекарственным и дубильным растениям велись также и вполне «академические» наблюдения за флорой и растительностью.

Лекарственные растения не были совершенно новым объектом исследований для российских ботаников. В.Н. Любименко, работая в Никитском саду в 1908–1912 гг., ставил эксперименты для выяснения влияния внешних факторов на образование эфирных масел у «душистых» растений. Опыты по разведению некоторых лекарственных растений ставились Петербургским фармацевтическим обществом, В.К. Фер-

⁶¹ Его заведующим был назначен проф. В.К. Анреп, консультантами — академики В.С. Курнаков и В. И. Ипатьев, проф. В.К. Варлих; сотрудниками — профессора В.Е. Тищенко, А.Е. Фаворский, А.А. Чугаев и Л.Ф. Ильин.

⁶² См. предварительные отчеты об этих командировках: *Дубянский В.А.* Исследования лекарственной флоры Закаспийской обл. Пг., 1917; *Липский В.И.* Исследование флоры Туркестана в смысле технического и лекарственного. Пг., 1917; *Монтеверде Н.Н.* Исследования лекарственной флоры Среднего и Нижнего Поволжья. Пг., 1917; *Любименко В.Н.* Обследование возможности развития промысла, сбора и культуры лекарственных растений в Таврической губ. Пг., 1918; *Федченко Б.А.* Изучение лекарственных растений Южного Туркестана. Пг., 1917; и др.

рейном (главой фармацевтической фирмы) в своем имении под Москвой и некоторыми другими лицами и организациями⁶³.

Еще до войны научные общества и ботанические сады старались убедить власти в том, что стоит всерьез заниматься лекарственными травами. Петербургский Имп. Ботанический сад Петра Великого в 1913 г. пытался получить у Главного управления землеустройства и земледелия деньги на создание специальной опытной станции лекарственных растений. Но тогда Управление решило, что специальная станция — это излишество, и вполне достаточным будет ввести эту проблематику в задачи Бюро по прикладной ботанике и музея Сада⁶⁴. Только острое положение военного времени наконец-то убедило власти в необходимости финансировать эту область.

В военные годы работа по лекарственным и техническим растениям (при финансовой поддержке Министерства земледелия, Лекарственной организации, а также некоторых земств) была начата во многих ботанических учреждениях. В Никитском ботаническом саду она велась под руководством Н.И. Кузнецова, Е.В. Вульфа и регулярно приезжавшего туда В.Н. Любименко. В Тифлисском саду — Д.И. Сосновским, А.А. Майоровым и А.Х. Ролловым. В Сухумском — В.В. Марковичем и Я.Я. Мушинским⁶⁵. В Киеве профессор зоологии Н.Ф. Кащенко на средства Департамента земледелия создал небольшой акклиматизационный сад лекарственных растений⁶⁶. Показательный питомник лекарственных

⁶³ Труды Междудомственного совещания по вопросу об улучшении производства в России лекарственных растений.

⁶⁴ Отдел лекарственных растений // Отчет о состоянии и деятельности Имп. Ботанического сада Петра Великого за 1915 г. Пг., 1916. С. 130–144. Бюро по прикладной ботанике в военные годы также расширило свою справочную и публикационную деятельность по лекарственным растениям. См. например: *Регель Р.Э.* О ромашке и клещевине // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1916. Т. 9. Вып. 1. С. 26–30.

⁶⁵ Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 2. С. 114.

⁶⁶ Кащенко, и раньше увлекавшийся акклиматизацией, настолько серьезно и успешно работал в этой области, что в 1918 г. даже был избран действительным членом АН Украины по кафедре акклиматизации и в последние годы жизни отошел от зоологии. В 1925–1926 гг. его сад занимал четыре изолированных друг от друга участка. (Русские ботаники. Т. 3. М., 1950. С. 113–116.). В 1916 г. при саде Кащенко были устроены курсы, которые прослушали 35 человек. (*Пашкевич В.В.* Деятельность организации по заготовке лекарственных растений Северо-Западного района. Отчет за 1916 г. Пг., 1917.).

растений был создан в Московском зоологическом саду⁶⁷. П.И. Гавсевич и Н.Н. Ворошилов организовали опытную станцию при Лубенском обществе сельского хозяйства⁶⁸. Питомники и опыты по культуре лекарственных растений были организованы при Воронежском сельскохозяйственном институте, при Пензенском и Уманском сельскохозяйственных училищах, в Ботанических садах Харьковского, Московского и Юрьевского университетов, при Гагринской климатической станции, при Управлении Государственных имуществ в Ташкенте, при Ковенском обществах сельского хозяйства и т.д.⁶⁹

Важной проблемой стало повышение ботанического образования фармацевтов, садовников, агрономов. Ботаниками, фармацевтами и врачами были организованы курсы и популярные лекции во многих городах: при Московском Императорском университете и Народном университете им. Шанявского, при Императорском Ботаническом саде Петра Великого, при Одесском опытном поле и т.д.⁷⁰

В Юрьевском университете, по инициативе попечителя Рижского учебного округа А.И. Щербакова, на средства Министерства земледелия весной 1916 г. для фармацевтов и учителей были организованы «Курсы распознавания, собирания и культуры лекарственных растений», состоявшие из ботанического и фармацевтического отделов. Заведующим курсами и руководителем ботанического отдела был приват-доцент кафедры ботаники университета Н.П. Попов. На двухмесячных курсах прошли обучение 75 человек. В программу входили экскурсии в окрестности Юрьева, практические занятия на специально выделенном для этого участке, а по окончании курсов была совершена ботаническая экскурсия в Дагестан⁷¹. Успех весенних курсов помог получению средств от Лекарственной организации на проведение более обширных годовых курсов и на создание показатель-

⁶⁷ Указатель к показательному питомнику лекарственных растений в Московском зоологическом саду. М.: Русское общество акклиматизации животных и растений, 1915.

⁶⁸ Собрание и культура лекарственных трав на Лубенщине. Вып. 2. Лубны, 1916. Составил П.И. Гавсевич. Станция успешно работала в советские годы.

⁶⁹ Комаров В.А. Что сделано в России в 1915 г. по культуре лекарственных растений. Пг., 1916.

⁷⁰ Изучение лекарственных растений России // Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 290–292

⁷¹ Вестник русской флоры. 1916. Т. 2. Вып. 4. С. 291–292.

ного завода⁷². Аналогичные краткосрочные курсы при поддержке Лекарственной организации были созданы в Екатеринбурге, в Киеве при саде Кащенко, в Сызрани при Воейковской садовой школе, при Тифлисском ботаническом саде и пр. Это помогло в течение 1916 г. подготовить для Лекарственной организации необходимое количество сотрудников⁷³.

Не оставались в стороне фармацевты и медики. Весной 1915 г. при терапевтической клинике Московского университета была организована выставка лекарственных препаратов. Лаборатория фармацевтической фирмы В.К. Феррейна определяла качество российского сырья. В Психоневрологическом институте в 1915 г. было открыто фармацевтическое отделение с учебным планом, рассчитанным на три года⁷⁴. В работе отделения (ставшего затем Химико-фармацевтическим институтом) принимали непосредственное участие сотрудники Петроградского Имп. Ботанического сада Петра Великого, в первую очередь, — В.А. Комаров.

Разумеется, никто из профессионалов не считал, что проблему можно решить в ближайшее время, но именно в эти годы дело было сдвинуто с мертвой точки. Многие из начинаний тех лет не только пережили мировую войну и революционные потрясения, но и выросли в крупные институты. Так, маленький питомник лекарственных растений, заложенный на Саратовской опытной сельскохозяйственной станции весной 1917 г. уцелел в Гражданскую войну и успешно развивался в 1920-е, а в 1931 г. стал одной из основных зональных станций только что созданного ВИЛАРа (Всесоюзного института лекарственных и

⁷² Курсы начали работу в сентябре 1916 г. Завод был оборудован в здании Университетского манежа и к концу 1916 г. был почти закончен. На заводе происходило практическое обучение слушателей курсов, проводились многочисленные экскурсии с подробными разъяснениями и демонстрациями для учащихся, крестьян и т.п. Курсисты получали заказы на сбор и заготовку лекарственных растений от Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части, постепенно подключая к этой работе крестьян. Кроме того, на средства Управления руководством Курсов был создан опытно-показательный участок для культуры лекарственных растений. См.: Организация по сбору, заготовке и культуре лекарственных растений в Северном районе. Отчет по Северному району. Юрьев, 1917.

⁷³ Организация по сбору, культуре и заготовке лекарственных растений. Отчет о деятельности в 1916 г. Пг., 1917.

⁷⁴ Акименко М.А., Шерешевский А.М. История института имени В.М. Бехтерева. СПб., 1999. С. 185.

ароматических растений ВАСХНИЛ)⁷⁵. Отдел лекарственных растений Ботанического сада в Петрограде, которым продолжал заведовать Н.А. Монтеверде, успешно работал и в советское время. В 1919 г. он был преобразован в Лабораторию по изучению растительных продуктов и лекарственных растений⁷⁶. Успешно занимались в советское время лекарственными растениями В.В. Пашкевич, А.Д. Воейков, Ф.А. Сацыперов, уже упомянутый Н.Ф. Кащенко и другие. В годы Второй мировой войны многие «академические» ботаники вновь занялись лекарственными растениями.

В результате действий, предпринятых Департаментом земледелия и Лекарственной организацией в 1916 г., высокие цены и твердый спрос создали благоприятную почву для развития культуры и сбора лекарственных растений. Однако в 1917 г. из-за полной дестабилизации общества отрасль пришла в упадок. На плантациях лекарственные растения выпальвались как сорняки, а на их месте сажали картофель и рожь⁷⁷.

Кроме профессионалов, статьи по борьбе с «лекарственным голодом» публиковали и дилетанты, желавшие таким «непыльным» трудом внести свой вклад в «великую битву народов». Некоторые видели в лекарственных растениях путь к быстрому обогащению (не обязательно собственному), очередной проект по борьбе с нищетой нашего крестьянства, один из тех «волшебных» проектов, каких было много еще до войны. В печати появлялись неграмотные рекомендации. «Энтузиасты» советовали сажать «фармакологически ценные» магнолию, бамбук, инжир, петрушку⁷⁸. Е.В. Вульф писал, что ажиотаж доходил

⁷⁵ См. *Короткевич-Гладкая А.П.* Культура лекарственных растений на участке отдела прикладной ботаники Саратовской областной опытной сельскохозяйственной станции // Изв. Саратовской областной опытной сельхоз. станции. 1919. Т. 2. Вып. 1–3. С. 60–83; Труды по лекарственным и ароматическим растениям. Т. 1. Саратов, 1932.

⁷⁶ *Монтеверде Н.Н.* Н.А. Монтеверде (биография) // Известия Главного Ботанического Сада СССР. 1929. Т. 30. Вып. 1–2. С. 6–9.

⁷⁷ См.: *Львов Н.А.* Культура лекарственных растений на Полтавщине, ее перспективы и современное положение // Лекарственные и технические растения СССР. М., 1926. С. 183–193. Советское правительство начало принимать меры к развитию сбора лекарственных растений в 1919 г. С 1922 г. возобновился экспорт лекарственных растений. (БСЭ. Т. 36. М., 1938. С. 280).

⁷⁸ Бюллетень Харьковского общества любителей природы. 1915. № 5. С. 123–124; *Андреев В. Н.* Изучение лекарственных растений России. Обзор литературы // Вестник русской флоры. 1917. Т. 3. Вып. 4. С. 176–203.

до спекуляции семенами лекарственных растений, до желания уничтожить существующие посадки ценных культур, чтобы на их месте посадить лекарственные — все ради пользы отечеству⁷⁹.

Деятельность Лекарственной организации зачастую наталкивалась на бюрократические препоны. Не увенчались успехом усилия А.Д. Воейкова (уполномоченного по Юго-Восточному району) получить на место своего старшего помощника Н.И. Кузнецова (Кузнецова-Владимирского), известного своими работами по флоре Сибири, Средней и Северной России. Весной 1916 г. Кузнецов уже служил в качестве «нижнего чина» в Организации по закупке хлеба для армии. Перевести его в Лекарственную организацию не удалось. Не удалось спасти от призыва и другого помощника Воейкова — А.А. Горбовского, вскоре погибшего на фронте⁸⁰.

Русское ботаническое общество

Подъем патриотических настроений способствовал организации общенационального ботанического общества и его журнала. В начале XX в. работы по ботанике публиковались в немыслимом количестве самых различных изданий столичных и провинциальных университетов и научных обществ. Издания эти могли иметь прикладной или местный характер, слишком узкую или наоборот слишком широкую тематику, к тому же не всегда выходили регулярно. Следить за ними было сложно. Труды русских ботаников часто доходили до коллег через немецкие журналы, имевшие международный статус.

В России существовало несколько специальных журналов, в том числе «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» (1900–1914), создателем и редактором которого был Н.И. Кузнецов⁸¹. При своем небольшом объеме «Труды» имели содержательные библиографический и реферативный отделы. Несколько лет (1908–1915) выходил «Русский ботанический журнал», издаваемый в Петербурге Борисом и Ольгой Федченко. А.Н. Бекетов и Х.Я. Гоби в 1886–1916 гг. издавали «Ботанические записки» на кафедре ботаники Петербургского

⁷⁹ Вульф Е.В. К культуре лекарственных растений в Крыму // По Крыму. 1916. Сб. 3. С. 27–53.

⁸⁰ Воейков А.Д. Отчет по Юго-Восточному району. Организация по сбору, культуре и заготовке лекарственных растений. Сызрань, 1917.

⁸¹ В 1915–1917 гг., работая в Никитском саду, Кузнецов издавал журнал с той же программой — «Вестник русской флоры».

университета. Однако, и эти специальные журналы, и ботанические разделы естественнонаучных изданий, зависели от деятельности конкретного человека. Война усложнила жизнь этим (фактически частным) инициативам, сократив финансовые их возможности, а также сделала недоступными немецкие журналы.

В связи с вышеописанными трудностями, а также на волне патриотизма и «организационного объединительного движения», которое, как писал Н.К. Кольцов «не могло не захватить и русских ученых»⁸², киевские ботаники распространили среди коллег «циркуляр». В нем они призвали к созданию национального профессионального общества с собственным журналом⁸³. Киевская инициатива не прошла незамеченной. В декабре 1915 г. после разного рода бюрократических проволочек при Академии наук было основано Русское ботаническое общество (РБО). Историю создания Общества освещена в литературе⁸⁴. Хочу остановиться лишь на двух частных вопросах: на проблеме языка журнала РБО и на создании разнообразных комиссий.

Язык. С одной стороны, ученые привыкли к немецким журналам, имевшим международный характер. Российские ботанические публикации (особенно по флористике и по ботанической географии) занимали существенную их часть, и это было признаком достойного уровня исследований. Очень многие считали, что журнал должен быть рассчитан, прежде всего, на специалистов, а национальность последних не имеет значения. Следовательно, печататься надо на международных языках науки — на немецком, латыни, французском. С другой стороны, ботаники хотели расширять аудиторию среди русских читателей,

⁸² Кольцов Н.К. Ученые общества и научные журналы в России // Природа. 1916. № 2. С. 251. «Организационное объединительное движение» захватило не только ботаников. См. об этом и о формировании самодостаточной российской науки: Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

⁸³ Циркуляр киевских ботаников, подписанный С.Г. Навашиным, Е.Ф. Вотчалом и А.В. Фоминым был опубликован неоднократно. См. например: Журнал РБО. 1916. Т. 1. Прилож. С. 13–16; Вестник русской флоры 1915. Т. 1. Вып. 3. С. 177–179.

⁸⁴ Манойленко К.В. И.П. Бородин. М., 2005; Лавренко Е.М., Заленский О.В. Ботаники — организаторы Русского ботанического общества: (к 50-летию ВБО) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 9. С. 1751–1768.

не обходя вниманием студентов и любителей, которые языков могли не знать⁸⁵. Создатели «Журнала РБО» остановились на русском языке и, скорее всего, патриотические настроения сыграли здесь свою роль. Не последним фактором было и возросшее количество российских ботаников. Чтобы не изолировать себя от мировой науки, было решено, что статьи будут сопровождаться резюме на иностранном языке, которые редакция должна отсылать для публикации в международные «реферативные органы». В конце 1916 г. было решено, что «иностранным языком» будет французский. Диагнозы видов могли печататься на латыни⁸⁶. А «Труды Бюро по прикладной ботанике», в мирное время публиковавшие многие статьи параллельно на двух языках (русском и немецком) осенью 1914 г. оповестили своих авторов, что резюме принимаются «исключительно на английском, латинском или французском языках». Немецкий уже не мог считаться ни «основным европейским языком», ни, тем более, международным языком науки.

Комиссии. Среди создателей Русского ботанического общества была сильна потребность «организовывать» коллег, унифицировать терминологию и методики. В те беспокойные годы образовалось множество самых разнообразных комиссий. Связать это можно с тем, что традиционные связи («невидимые колледжи») ученых были нарушены многочисленными перемещениями, а также с институализацией ряда новых специальностей. Большинство комиссий успевало только провозгласить свое создание и спланировать деятельность. При Русском ботаническом обществе была создана «Постоянная флористическая комиссия». Она собиралась заниматься следующими задачами: выработкой русской ботанико-географической терминологии, методикой записи при исследовании

⁸⁵ Подобного рода дилемма возникала неоднократно и ранее, например, при работе над флорой какого-либо региона. Кому должно быть адресовано издание: международной науке или своим согражданам? В 1900 г. Н.И. Кузнецов, обсуждая на страницах «Трудов бот. сада Юрьевского университета» проект издания «Флоры России», поднимает среди прочих и вопрос о языке издания. Кузнецов тогда склонялся к традиционному языку систематики — латыни. Однако не все были с ним согласны, и в 1913 г. Ботанический музей АН начал печатать «Флору Сибири и Дальнего Востока» (первую часть запланированной «Флоры России») на русском, дублируя диагнозы на латыни.

⁸⁶ Протоколы заседаний съезда представителей русских ботанических учреждений созванного при АН 20 и 21 дек. 1915 г. // Журнал РБО. 1916. Т. 1. Вып. 1/2. Прилож. С. 7–11; Протоколы Годичного собрания в Москве РБО в 1916 г. // Журнал РБО. 1916. Т. 1. Вып. 3/4. Прилож. С. 20–34.

довании растительных сообществ, «нормальной этикетки», принципов ботанической картографии, составлением каталога флористической и ботанико-географической литературы по губерниям, адресной книги русских флористов и ботанико-географов. «Постоянная комиссия по стационарному изучению растительности» собиралась заниматься планированием исследований и, кроме того, организацией ботанических станций и заповедников при них. Предлагалось также учредить «Постоянную комиссию по собиранию материалов по истории ботаники». «Постоянная комиссия по исследованию растительности Кавказского края (с включением смежных областей Персии и Турции)» должна была «плановмерно организовать» исследования областей Турции и Персии, сопредельных с Кавказом, занятых русскими войсками, ввиду их «научной и государственной важности»⁸⁷.

Охрана природы

Еще перед войной научно-популярные журналы отводили на своих страницах место для рубрики «Охрана природы» («Природа», «Бюллетень Харьковского Общества любителей природы», «Лесной журнал» и др.). Во время войны там появлялись заметки об уничтожении памятников природы и лесов в зоне ведения боевых действий, о судьбе зубров Беловежской пушчи, о влиянии отравляющих газов на растительность и т.д. Среди авторов таких публикаций были как крупные ботаники (В.И. Талиев, Н.И. Кузнецов, И.П. Бородин и др.), так и рядовые специалисты. Однако на фоне проблем военного времени задачи охраны природы, восстановления естественных ландшафтов и рационального природопользования теряли актуальность в глазах общественности.

Непосредственно перед войной благодаря усилиям ряда ученых, в первую очередь, И. П. Бородина, был создан центральный природоохранный орган — Постоянная природоохранная комиссия Русского географического общества. Из ботаников в ее состав вошли (кроме

⁸⁷ Протокол II заседания постоянной Флористической комиссии РБО. 8 февр. 1917 г. // Журнал РБО. 1918. Т. 2. № 1/2. Прилож. С. 21–23; Протоколы Годичного собрания в Москве РБО в 1916 г. // Там же. 1916. Т. 1. Вып. 3/4. Прилож. С. 20–34. Впрочем, занятые русскими войсками области Турции и Персии интересовали не только РБО, но и Переселенческое управление (См., например: *Сажошников В.В.* Растительность Турецкой Армении. Исследование 1916 г. Томск, 1917).

Бородина) Н.А. Буш, Н.И. Кузнецов, В.Н. Сукачев, В.И. Талиев и создатель научного лесоведения Г.Ф. Морозов.

В военные годы при участии Комиссии был создан Баргузинский заповедник, предпринимались усилия по сохранению уже существующих заповедных участков, обосновывались проекты по созданию новых, реализованные уже в советские годы. Впрочем, мировая война оказалась для немногочисленных российских заповедников меньшим бедствием, чем анархическая деревня, взбудораженная событиями 1917 г.⁸⁸

Ботаники не забывали о природоохранной тематике во время решения прикладных проблем. Комиссия по дубильным веществам Кавказа считала, что рациональная добыча сырья не разорит кавказские леса, а наоборот, может повысить ценность насаждений. Дуб, в основном, исключался из списка потенциального сырья, т.к. равнинные дубравы уже уничтожены, а использование горных лесов неприемлемо, в связи с тем, что они выполняют слишком важную защитную роль⁸⁹. Давая советы о сборе дикорастущих лекарственных растений, Н.И. Кузнецов (как и многие его коллеги) советовал воздерживаться от сбора редких видов (орхидные, валериана), т.к. это приведет к быстрому их уничтожению. Гораздо лучше заложить хотя бы небольшие плантации в собственных садах⁹⁰. Однако призывы эти оставались, в основном, на бумаге.

Заключение

Ботаническая география — наука, казалось бы, крайне далекая от милитаризма, но две мировые войны показали, что даже она может быть поставлена на службу армии. Ее знания становятся необходимы госу-

⁸⁸ Подробнее об истории создания Комиссии, ее составе и деятельности, а так же о «кошмарных эксцессах» 1917 г. см.: *Манойленко К.В.* И.П. Бородин. М., 2005; *Вайнер Д.* Экология в советской России. М., 1991.

⁸⁹ *Савич В.М.* Проект питания дубильными материалами экстрактного завода в Черноморско-Кубанском районе в связи с лесоохранением. Доклад, составленный зав. Дубильным отд. закавказского Комитета Всероссийского Земского союза по поручению Уполномоченного Главы Комитета гр. Ю.А. Олсуфьева. Тифлис, 1915; Краткий обзор текущей деятельности научно-технической комиссии по исследованию дубильных материалов на Кавказе при Закавказском комитете Всероссийского земского союза. Тифлис, 1915, 1916. Вып. 1, 2.

⁹⁰ *Кузнецов Н.И.* Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на Южном берегу Крыма. Серия брошюр, издаваемых Ботаническим кабинетом и Ботаническим садом Никитского сада. № 6. Ялта, 1917.

дарству, чья экономика полностью трансформируется в годы войны. Никто не может оставаться в стороне. Ричард Говард в своей статье «The role of botanists during World War II in the Pacific theatre»⁹¹ продемонстрировал, что во время Второй мировой войны эта тенденция стала еще более мощной — фактически любой специалист мог работать на армию.

В последнее время принято говорить, что именно в годы Первой мировой войны начала складываться та форма взаимодействия науки и власти, которая была характерна для советской России и вообще науки XX в.⁹² Происходило усиление связей с центральной властью, которое позднее превратилось в тотальную бюрократизацию науки; существенно продвинулось обособление национальных научных сообществ. Ботаники представляют собой неплохую иллюстрацию для этой гипотезы. Было создано всероссийское профессиональное объединение, центральный журнал; русский язык стал почти единственным языком публикаций; ботаники принимали участие в работе над правительственными заказами.

При этом нестабильность военного времени и последующих революционных лет разрушала естественно сформировавшиеся связи ученых с местными властями и землевладельцами в области прикладной ботаники и рационального природопользования. Исследования и практические работы, в начале XX в. имевшие непосредственную поддержку «снизу», от сельских и лесных хозяев, от местных общественных деятелей, были в значительной мере свернуты. В советские годы сциентификация землепользования насаждалась сверху, что имело минусы любой бюрократической реформы. Если фундаментальная наука, несмотря на все катаклизмы, продолжала успешно развиваться, то прикладная ботаника, а также практическая деятельность по развитию «адаптивного» сельского хозяйства и рационального природопользования были отброшены далеко назад.

Автор благодарит за помощь в работе над статьей Э.И. Колчинского и Н.Г. Сухову (СПбФ ИИЕТ РАН).

⁹¹ *Howard Richard A.* The role of botanists during World War II in the Pacific theatre // *Science and the Pacific War* / Ed. by Roy M. MacLeod. Kluwer Ac. Publ., 2000. P. 83–118.

⁹² *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* Российская наука и революционные кризисы в начале XX в. // *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки* / Ред.-составитель Э. И. Колчинский. СПб., 2003. С. 291–334 и др.